

ВЕРА РАДОСТНАЯ

Сотной
будет Нике

12+

Вера Радостная

Со мной будет Нике!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Радостная В. Н.

Со мной будет Нике! / В. Н. Радостная — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Непутевая художница Нике встречается гонщика-оптимиста Луиджи. Девушке фатально не везет. Но, может быть, любовь все-таки способна творить чудеса?

© Радостная В. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com> по лицензии CC0.

Глава 1

Нике мечтала рисовать необыкновенные картины. Чтобы, взглянув на одну из таких, человек мог задуматься, удивиться оригинальной мысли автора, понять, принять её или, наоборот, осознать бесплодность, взбунтоваться, попытаться доказать противоположное.

Живопись, ей казалось, как философия, способна вести человека по жизни, дав ему почувствовать нечто новое и непознанное. Она должна побуждать к действию, к эмоциям и поискам. Живопись похожа на волшебство. Она способна менять окружающие предметы, указывать на их скрытые стороны. Живопись может обращать внимание на тайную сущность вещей.

Искусство для Нике обладало магической силой, которая могла менять мир по своему усмотрению, но никак не являлось только модной тенденцией, прославляющей один или другой стиль.

Однако необыкновенные картины, о которых так мечтала Нике, очень трудно продавались. Потаенный смысл холста не всегда был доступен взгляду критически настроенного торгового агента, занимающегося покупкой и распределением картин в музеи, а чаще всего вовсе не поддавался его восприятию.

Нике никак не находила места. Она ерзала на стуле и сдерживала себя, чтобы не начать грызть ногти. Девушка сутулилась и кусала губы, что совершенно не красило её, никому не известную художницу.

Увидев картину, дилер деланно улыбнулся и произнес:

– Ваша работа не вызывает никакой отдачи. Она неэмоциональна, лжива и поверхностна.

Нике вцепилась в стул и испуганно начала тараторить:

– Это же мотив безысходности! Человек чужд миру, а мир враждебен по отношению к человеку. Внутри картины мы видим возмущение абсурдом жизни. Работа наполнена ужасом, негодованием из-за одиночества и обреченности нашего существования. Разве непонятно?

– Нет. Непонятно, – отрывисто произнес дилер и снова взглянул на холст девушки. Темные, черные цвета, блеклый свет разбросан кусками, контуры кроваво-красной фигуры сливались с фиолетовыми тенями деревьев.

– Картина навеивает скуку, – повысил он голос. – Скажите, девушка, Вы посещаете галереи, читаете журналы по искусству, Вы вообще получили художественное образование?

Нике сидела, обхватив себя руками, чтобы скрыть напряжение. Однако последний вопрос довел её окончательно, она невольно подскочила на стуле и вцепилась в него с новой силой.

– Какое-то совершенно нелепое смешение красок и стилей. Вы думаете, это экспрессионизм? – без всякого выражения продолжил дилер, откидывая корпус назад. – Зря портите краски. Я ничем не могу помочь.

Нике опустила голову и нахмурилась. Она ругала себя за несостоятельность, доверчивость и абсолютное незнание людей. Её бесила собственная бестолковость и невезение. Девушка, пряча слезы, снова подскочила на стуле, отчего торговый агент вздрогнул и кинул в нее полный презрения взгляд.

– Не тратьте моё время, посмотрите хотя бы журналы по искусству. Сегодня человеку нужна красота, стиль, мода, он жаждет сладкой безоблачной жизни, он хочет покупать лучшее, изящное, дорогое, а не безысходность. Взгляните на эту прекрасную вазу. Вот настоящее искусство! Она словно икона, образец для поклонения и восхищения: идеальные цвет, стиль, форма. Увидев такую красоту, человек немедленно захочет обладать ею, заплатив любую сумму. В этом и есть сила искусства.

Нике с недоверием посмотрела на хваленую вазу. Совершенный кусочек стекла нисколько не трогал её сердце, наоборот, его безупречность казалась искусственной и фальшивой. Она потупила темно-коричневые глаза и досадливо надула губы.

Девушку душила злость, и тому была весомая причина. Несколько дней назад Нике встретила однокурсника по художественному колледжу – Стефано. Он выглядел очень счастливым, и девушка поняла, почему. Его работы, в целом весьма оригинальные и смелые, еще на выставке после окончания курса, привлекли внимание влиятельного критика-искусствоведа. Тот познакомил Стефано с продавцом картин, и вскоре его полотна появились на вернисаже, уже среди работ известных художников. Там Стефано тоже не остался незамеченным. После хвалебных статей им заинтересовались организаторы государственных галерей и представители музеев. А совсем недавно ему удалось продать две картины за очень хорошие деньги. Стефано дал Нике адрес своего торгового агента, обещая, что тот проверенный человек и обязательно поможет.

На художественном курсе их многое связывало. Их обоих считали бездарными, ни на что не способными художниками, провокаторами и бездельниками. Они вместе терпели едкую критику на свои картины, вместе пересдавали экзамены, и, казалось, должны быть обречены на безвестность и нужду. Но Стефано выстоял, добился успеха, а Нике, едва сдерживающей слезы, снова не повезло.

– Прощайте. Видите ли, понимание искусства сложилось много веков назад, и Ваша картина никак не входит в его рамки, – отвернулся торговый агент и занялся просмотром бумаг.

Нике резко встала. Стул, на котором она сидела, подскочил и с грохотом упал. Мужчина дернулся от этого неожиданно громкого звука и уронил бумаги.

– Ну, что за погром!

Нике с шумом подняла стул, силой швырнув его на пол. Агент снова дернулся, казалось ещё сильнее, чем прежде, после чего неудачно взмахнул рукой и задел расчудесную вазу. Та покачнулась, но устояла. Нике не вовремя кинулась её поддерживать, но получилось только хуже. Её рука соскользнула, и ваза, звонко хрустнув, вдребезги разбилась.

Мужчина пронзительно вскрикнул. Нике, остолев, уставилась на вазу, затем хмыкнула, гордо подняла голову и, кинув агенту, что он ничего не смыслит в настоящем искусстве, пошла к двери.

– Куда? – озверевшим голосом крикнул агент.

Нике ускорила темп и бросилась прочь. Выбежав на улицу, она принялась в панике звать такси. Ничего не добившись, девушка кинулась на дорогу и налетела на какую-то машину. Сильно дернув дверцу и чуть не сломав её ручку, она залезла внутрь, попутно оглядываясь по сторонам и совершенно не обращая внимания на обалдевшего от такой наглости водителя. Вдруг Нике испугалась, вздрогнула и, дергая руками, нервно вскрикнула: «Поезжай, поезжай!»

Машина медленно и лениво тронулась с места. «Дави на газ, черт тебя возьми!» – в истерике заорала Нике, о чем скоро пожалела. Автомобиль резко дернулся. Нике больно отбросило на кресло, и воздух ясно просвистел около её уха. У машины словно выросли крылья, она понеслась вперед очень быстро, с желанием превзойти скорость света. Нике вдавилась в сиденье и поспешно пристегнула ремень безопасности.

Из открытых окон рваными кусками дул ветер. Он бил по лицу, душил, лишал зрения и слуха. Со второй попытки Нике закрыла окно. Она хотела попросить водителя закрыть свое, но её слабое старание что-то схватил ветер и унес в небо.

Машина свернула, но скорость не снизилась, и Нике продолжала упрекать себя за то, что села именно в эту машину. Ей было дурно, она задыхалась, кружилась голова. От ветра навернулись слезы.

Бросив случайный взгляд на Нике, водитель опустил ногу на тормоз. Они поехали медленнее.

– Кстати сказать, меня зовут Луиджи, – подал голос водитель, выводя девушку из транса.
– Прежде чем сесть за руль, надо научиться водить, – заорала она в ответ. – Разве можно так ездить? У меня чуть сердце не остановилось!

– Ты сама сказала давить на газ!

– Я сказала давить на газ, а не выключать систему мозгового контроля.

– Все системы у меня в полном порядке.

– Я рада слышать, – её слова уносил ветер. – Ты всех так катаешь или специально для меня старался?

Луиджи ещё снизил скорость.

– Я не водитель автобуса, чтобы осторожничать, – сказал он.

– Да, с такими успехами тебя водителем никуда не возьмут... Укладка насмарку... Не хватало ещё, чтобы тушь из-за слез потекла... Трудисься, наверное, – Нике оглянулась по сторонам, – в душном офисе, с бумажками возишься. Но стоит выйти за дверь, отрываешься на всю катушку.

– Вообще-то я гонщик, – глядя на дорогу, прервал её Луиджи.

Нике отвернулась. Она попадала и не в такие глупые положения, поэтому смущение немедленно прошло, и она нашлась, что ответить:

– Если ты с такой скоростью едешь на гонках, это не означает, что надо так кататься по жизни. Ко всему надо относиться с умом.

– Я не знаю твоего имени.

– Нике.

– Нике, у тебя неправильное представление о профессии гонщика. Я умею везти машину мягко и плавно, но когда в салон залетает девушка, кричащая, чтобы я давил на газ, я прикладываю всё гоночное умение и еду очень быстро, чтобы ей помочь. Куда тебя подвезти?

– Останови здесь. Мне недалеко до дома. У меня совершенно нет представления о гонках, – пробормотала девушка. – Но всё равно спасибо. Я, правда, тебе очень благодарна.

Автомобиль остановился.

– Что это за доска, Нике?

– Сам ты доска! Доска по имени «Луиджи». Это моя картина. Я великая художница!

– Здорово, можно посмотреть?

– Нет. Ты не оценишь, она никому не нравится, – шмыгнула носом Нике.

– Но мне любопытно, пожалуйста, – попросил Луиджи. – Разве великие художницы могут рисовать плохо?!

Нике осторожно достала картину, положила на капот, и Луиджи удивленно поднял брови.

– На мой взгляд, мрачновато, – сказал он.

– Ничего она не мрачная. Философская. О смысле жизни.

– И что эти черные пятна говорят о нем?

– Они говорят, что ты совершенно бестолков в живописи!

– Что же, тогда действительно эти пятна во многом разбираются.

– Извини за грубость, мне нелегко дается критика, – она, волнуясь, терла руку.

– Не принимай близко к сердцу, я же не специалист. Пожелай мне удачи, Нике. У меня скоро гонка.

– Да прибудет с тобой победа Нике, – с вдохновением проговорила она. – Уверена, мое пожелание принесет удачу.

– Хорошо бы, а то на моей машине победить можно только при очень большом везении. Не то чтобы у нас была плохая техника. Мы постоянно работаем, совершенствуем машину, но бюджет, увы, не тот, и команды покруче легко обходят нас. Мне бы чуть-чуть удачи, и я, правда, был бы счастлив.

– Гонки много значат для тебя?

– Да. Но и твои картины значат для тебя не меньше. В этом нет ничего странного.

– Наверное. Я желаю тебе большой удачи, Луиджи. Прощай, – отвернулась она.

– Никогда не говори человеку «прощай». Звучит как-то грустно.

Нике улыбнулась. Обняв картину, она пошла своей дорогой. А Луиджи укатил на тесты новой подвески¹.

Девушка зашла в дом. Она позвонила в квартиру соседки, и ей открыла синьора Мария.

– Как всегда? – спросила она.

– Нет, хуже, чем всегда. Сегодня я потеряла не только ключи, но и... да что скрывать, видимо, последнюю надежду на продажу картины.

Донья Мария выдала ей запасной комплект.

– Ты ещё молода, все у тебя впереди. Но надо быть внимательнее, Нике. Вечно ты всё теряешь.

Нике пошла к себе. Не успела она открыть дверь, как оттуда вылезла большая кошачья морда. «Здравствуй, милый Феликс», – сказала она коту, подняла и прижала его пушистое тельце. Толстый, здоровый, очень мохнатый, он блаженно замурчал и схватился за плечо хозяйки. Нике его обожала. Феликс нежно прижался к ней всем телом. Он тоже её обожал. Нике поставила картину, села на диван и посадила кота на колени. Тот развалился на спине, положив передние лапы себе на пузо. Девушка грустно осмотрелась вокруг и легла. Феликс перебрался к ней на живот и, свернувшись калачиком, засопел.

У Нике начиналась мигрень. Невезение и неудачи полностью лишали её сил. Ничего не получалось, несчастья сыпались на голову, слишком откровенно, и она уже готова была сдаться.

Ей вспомнился Альберто. Они вместе учились в художественном колледже. Его родители были художниками, что служило главной причиной его поступления, но в то же время мешало ему реализовать себя полностью. Он рос дерганным, нервным и вспыльчивым, шугался людей, в общем, жил в мире, созданном рисунками.

Из-за застенчивости Альберто преподаватели его не жаловали, студенты не замечали, и Нике бы, наверное, тоже не заметила, если бы он не вытащил её из закрытой аудитории посреди ночи. Альберто был толстоват, поэтому то, *как* он залезал через окно, а потом тащил на себе заплаканную Нике, она не забыла бы никогда и была ему очень признательна.

---

¹ Деталь гоночного автомобиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.